

существовании единого содержания книги и, следовательно, о правомерности понимания “Стихов о Прекрасной Даме” как целостного законченного произведения, обладающего совершенно определенным сюжетом, сходным с сюжетами романного типа. Это многоплановое произведение, никоим образом к биполярной истории любви, независимо от того, трактуется ли она в мистическом или реальном плане. Такое традиционное восприятие связано с ошибочным отождествлением авторского сознания с сознанием “лирического персонажа”. На деле же для “Стихов о Прекрасной Даме” характерно ярко выраженное многоголосие, зависающее от наличия разных, во многом противопоставленных, субъектов сознания. Собственно лирический герой книги, противопоставленный “лирическому персонажу”, обнаруживает сильнейшие черты сходства с лирическим героем позднейшей лирики Блока. Таким образом и взгляд на эволюцию поэта как на пересмотр им своих прежних представлений зависит от недооценки одного из художественных планов “Стихов о Прекрасной Даме” и, несомненно нуждается в определенной коррекции. Позднейшее творчество Блока, которое принято ставить в обратную зависимость от лирики первого тома, может и должно быть поставлено в прямую зависимость от тех художественных явлений, которые вполне характерны уже для “Стихов о Прекрасной Даме”. Творческий же путь Александра Блока в целом может быть осмыслен как путь значительно более прямой и гораздо менее противоречивый, чем он виделся до сих пор.

В. В. Ильин
Смоленск

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ПОСЛАНИЯ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА

Деловая письменная речь явилась одной из важнейших “внутренних” предпосылок возникновения художественной литературы на Руси. Письма, послания, записки широко представлены уже в берестяных грамотах. Система эпистолярных жанров известна в русской литературе, начиная с XI века. В этом жанровом ряду следует рассматривать и единственное сохранившееся произведение XII века - “Послание, написанное Климентом, митрополитом русским, Фоме, пресвитеру. Истолковано Афанасием мнихом”.

Открытое Н. К. Никольским сто лет тому назад, оно не анализировалось с точки зрения жанра и стиля. Об авторе его летопись говорит: "... и был книжник и философ такой, каких в Русской земле не бывало". Избранный на соборе русских епископов в 1147 году, он при поддержке Киевского князя Изяслава Мстиславича начал проводить в жизнь свою программу духовного развития Руси, полагая, что общее образование русских священнослужителей должно строиться не только на чисто богословской основе, но с привлечением дополнительно целого ряда "светских" дисциплин - философии, риторики, искусства, литературы античного мира.

Смоленский пресвитер Фома подвергнул резкой критике эту программу, упрекнул Климента в тщеславии и гордыне, в стремлении поставить себя выше других, возвыситься над ними; античный элемент в составе христианской духовности он считал явным отступлением от православной веры. Митрополит Климент должен быть защищаться. Во избежание ненужных упреков он прибегнул к посредству многочисленных источников. Поражают эрудиция и глубина анализа "Божественных писаний" в послании. Митрополит ссылается на притчи Давида, его сына Соломона, книгу бытия Моисея, ученые труды Никиты Соррона, Федорита Кирского, Григория Богослова, Аристотеля, Платона, Плиния, Илариона и других выдающихся мыслителей прошлого и настоящего.

"Премудрость" - Божество, а "храм" - человечество", - пишет он, ссылаясь на "блаженного" Соломона, - ибо истинный наш Христос Бог, как во храм, вселился в плоть, воспринятую им от Пречистойладычицы нашей Богородицы". В рассматриваемых святых писаниях Климент старался найти "прообразы" - "не просто читая", а "понимая духовно", чтобы истолковать их затем с точки зрения истинного христианского мирозерцания. Так, Иаков у него - прообраз "двоякого рода людей", иудеев и язычников. Жены его, Лия и Рахиль, восходят к разным прообразами: первая - иудейка, вторая - язычница, легко уверовавшая в Христа Спасителя, с "корнем исторгла неправду" своей языческой веры.

Детальное истолкование христианских "прообразов" составляет отличительную особенность повествовательного стиля Климента Смолятича. В этом плане он бесподобен, изобретателен, умен, поразительно начитан, стоит на уровне своего предшественника, первого истинно русского митрополита, гениального Илариона, который в "Слове о законе и благодати" развернул в художественной форме свою систему разгадки прообразов священного писания. Рабыня

Авраама, Агарь, у него прообраз иудеев, Сарра, жена Авраама, - христиан; родившийся от рабыни Измаил меркнет перед Иаковым, сыном Сарры, хотя и появился на свет раньше него. Подобную ситуацию анализирует и Климент, говоря о сыновьях патриарха Иуды - Заре и Фаресе. "Оба они, - по его словам, - были прообразами, то есть предвосхитили два рода людей: Фарес - иудеев, а Зара - язычников". И то, что первый появился на свет раньше, не дает ему никакого преимущества перед братом-близнецом. И Измаил у Илариона, и Фарес у Климента - преграда "для прежде бывшего благочестия и для будущей благодати".

"Приточный" метод исследования библейских текстов давал Клименту возможность опираться не только на "готовые" сюжеты, но и составлять по их канве свои собственные - в форме вопросов и ответов, напоминая с этой стороны "диалоги" древнегреческого философа Платона. В рассказе о Григории Богослове, который избавился от "суровства посейдонского" и "кроткой Диметры" смог достичь, видны явные следы античной мифологии.

Эпистолярная проза Климента Смолятича принадлежит к так называемой "библейской экзегетике". При переводе с греческого языка текстов священных писаний, русские книжники нередко пытались "совершенствовать" оригиналы, добиваясь лучшей формы их выражения. Так возникли вопросно-ответные произведения русской экзегетики, содержащие разгадку неясного путем замены его другим, более понятным, аналогичным ему по смыслу, поясняющим его. Не только законченные фразы, но каждое слово в этих произведениях получало образное выражение. С этой стороны жанр библейской экзегетики позволял русскому митрополиту широко внедрять образы и понятия античной философии и литературы. Послание Фоме отличается живым изложением, скреплено единой связующей нитью, что свидетельствует об огромном таланте автора, проявившего особое пристрастие к образному, символическому способу объяснения сущности церковных и "светских" книг. Пестрящие в произведении частые обращения свидетельствуют об особой близости автора к своему оппоненту. Излагая вопросы от первого лица, Климент действовал в духе русских проповедников XI - XII веков - Луки Жидяты, Феодосия Печерского, архиепископа Новгородского Луки. Следует отметить большое полемическое искусство митрополита. Сила его аргументации неотразима, выводы бесспорны. Сквозь скрытый, подчеркнuto серьезный тон нередко пробивается ирония, обезоруживающая противника.

Литература древней Руси, выражаясь "старыми словесы", "многими красотоми удивлена еси". Поражает, что уже в своем раннем развитии она сумела разработать разветвленную, стройную жанровую систему. И летописание, и красноречие, и жития святых отцов, и хождения, и моления - все это звенья единого мощного, как водопад, творческого процесса. К большому сожалению, в тени исследовательской мысли остались эпистолярные жанры литературы, хотя и они предельно насыщены в Древней Руси литературной аурой, в силу чего могут и должны помочь в поисках причин столь стремительного восхождения нашей изящной словесности на свой высокий олимп.

В. Г. Кабакова
Екатеринбург

СИМВОЛИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ОБРАЗА ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ"

За последние годы в отечественном литературоведении появились работы С. М. Телегина, Н. Ю. Тяпугиной, Л. В. Карасева, В. Н. Топорова, П. Торопа и др., предметом анализа которых является архетипическая и мифологическая структура текстов Ф. М. Достоевского.

В центре нашего внимания находится образ Федора Карамазова из романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы", однако и сам образ, и его функции в составе целого произведения мы исследуем под углом одной из базовых оппозиций мифологического и архетипического сознания, открытых еще К. Леви-Строссом, - оппозиции "мужское/женское". Фигура Отца - Федора Карамазова, до сих пор остается одной из самых загадочных среди персонажей писателя, несмотря на ряд ценных замечаний о герое в трудах литературных критиков и философов начала века (Н. Бердяева, Л. Карсавина и др.) и в работах современных литературоведов (прежде всего, Е. Мелетинского). Методологической основой нашего исследования служат разработки представителей аналитической психологии (К. Г. Юнга, Дж. Кэмпбелла).

Внимательное прочтение романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" убеждает нас в том, что в этом произведении образ Федора Карамазова наделен теми чертами и функциями, которые в истории культуры традиционно закреплены за архетипом Матери.